
Игорь Стрелец
Двойная экспозиция
Санкт-Петербург, 2026

Игорь Стрелец
Двойная экспозиция

https://litres.ru/74714014
SelfPub; 2026

Аннотация

Лев Гурин, реставратор кинохроники, всю жизнь привык к странному: он видит себя со стороны и чувствует чужой взгляд в затылок. Но однажды в архиве он восстанавливает фильм, запрещённый в 1937 году, и находит в массовке человека, который на четыре кадра поворачивает голову и смотрит прямо в объектив. В списке участников – его прадед. В кадре – лицо, которое слишком похоже на его собственное.

Чем глубже Лев уходит в плёнку, тем сильнее прошлое проступает в настоящем: в просмотровом зале появляется человек в пальто, в отражениях – фигура, которую невозможно назвать, а дома – пятнадцатилетняя дочь Ася, которая начинает видеть то же, что и он. Теперь Лев должен понять, что происходит: семейное наследство, болезнь или способ смотреть на мир.

Психологический роман-загадка о памяти, кино и взгляде, который мы не всегда выбираем. История с атмосферой старой плёнки, семейной тайной и двойником, от которой трудно оторваться и о которой хочется спорить после последней страницы.

Двойная экспозиция

Двойная экспозиция

Часть первая. Плёнка

В тридцать седьмом году, за тридцать лет до моего рождения, человек в кадре повернул голову и посмотрел в объектив.

Это длится четыре кадра. Шестая доля секунды. Я считал по перфорациям и пересчитал трижды.

Сначала человек стоит вполоборота, руки в карманах, плечи подняты, как у замёрзшего. За его спиной трибуна, знамя, женщина в светлом платке, мальчик с воздушным шаром. Все смотрят вправо, туда, куда идёт парад. Он один смотрит прямо. Не в толпу, не на оператора, а в стекло, в точку, где стекло перестаёт быть стеклом и становится глазом.

Голова поворачивается ещё на четверть, потом ещё. Лицо узкое, высокий лоб, глубоко посаженные глаза. Он смотрит четыре кадра. На пятом его закрывает чья-то спина, и он исчезает так же внезапно, как появился.

Плёнка называется «Смотр». Режиссёр Вера Аркадьевна Танхим. Тридцать седьмой год. Фильм не вышел: его запретили, положили на полку, потом забыли. В описи он числится как «незаконченный производственный материал, брак». Я восстанавливаю брак уже второй месяц.

В архиве пахнет уксусом и пылью. Уксусный запах озна-

чает, что плёнка умирает. Она разлагается, и её нельзя спасти, можно только замедлить. Мы кладём её в холод, переводим в цифру и хороним жестянку на стеллаже, где температура плюс четыре и никто не включает свет без нужды.

Меня зовут Лев Сергеевич Гурин. Мне сорок шесть лет. Я реставратор, работаю с изображением, которое старше меня и, возможно, переживёт.

В комнате, где я сижу, нет окон. Есть монтажный стол, две бобины, лупа и монитор, на котором кадры идут медленно, по одному, как люди, которые не хотят идти. Я могу остановить любое лицо и рассмотреть его до последней морщины. Работа требует терпения и дурной привычки не отводить глаз.

С этой привычкой у меня всё в порядке.

У меня с семи лет есть вторая точка зрения.

Я не вижу себя со стороны постоянно. Это было бы невыносимо. Но в некоторых комнатах, чаще в старых, с высокими потолками и деревянными полами, я вдруг оказываюсь в углу под потолком и смотрю на себя сверху.

Продолжаю чувствовать тело. Чувствую, как чешется левая лопатка, как жмёт воротник, как подгибается колено. Но одновременно вижу свою спину, сутулую, с приподнятым правым плечом, вижу пробор, вижу, как рука тянется к чашке, и не могу этой рукой командовать. Она тянется сама. Я

только наблюдаю и успеваю подумать: «Осторожно, горячо».

Иногда точка висит за правым плечом. Иногда опускается к полу, и тогда я вижу себя снизу, как ребёнка, как человека на неудачной фотографии. Один раз, в трамвае, я оказался снаружи, на другой стороне улицы, и увидел себя в окне вагона: мужчина в сером пальто, с папкой на коленях, смотрит в пространство. Мне стало его жалко. Потом я понял, что жалею себя, и это было хуже.

При этом я чувствую, что кто-то смотрит мне в затылок. Не глазами. Местом между лопатками. Иногда чуть выше, у основания черепа, где волосы растут в разные стороны. Взгляд не злой. В этом всё дело. Если бы он был злым, я бы знал, что делать. Я бы обернулся, закричал, ударил. Он терпеливый. Он смотрит так, как смотрят на спящего ребёнка, который не знает, что за ним пришли.

Мать называла это вторым глазом.

Она работала в библиотеке, читала корректуры, носила серые кофты и говорила тихо, чтобы не мешать радио. По вечерам она садилась под торшер и вязала. Вязала она плохо, петли съезжали, но упрямо довязывала шарфы, которые потом лежали в шкафу, потому что носить их было нельзя.

Однажды, когда мне было восемь, я вошёл в комнату и увидел, что она смотрит не на спицы, а в потолок. Я спросил, что она там видит. Она ответила: «Люстру». Люстры в комнате не было, висела одна лампочка на проводе. Я сказал об этом. Она кивнула и сказала: «Значит, я на проводе. Отсю-

да всё видно. Ты сегодня не застегнул сандалии». Сандалии были не застёгнуты.

Она говорила: не оборачивайся резко. Он не любит. Я спрашивал, кто «он». Она отвечала: «Никто. Просто не оборачивайся резко».

Отец спал с включённым радио. Он был инженером, чинил телевизоры соседям и не любил разговоры, в которых нет ответа. Когда мать говорила про второй глаз, он выходил на кухню и гремел чайником. Я думал, что он сердится. Теперь понимаю: он боялся.

В архиве работают ещё двое.

Марк Иосифович, киновед, семьдесят два года, слуховой аппарат, который свистит, когда он поворачивается. Он знает про советское кино всё, включая то, чего не было. Когда он говорит, он закрывает глаза, как будто читает с обратной стороны век. Он любит фразу «это не брак, это свидетельство эпохи» и применяет её ко всему, включая трещину в стене.

Даша, двадцать шесть лет, хранитель, аккуратная до жестокости. Она носит белые перчатки даже когда печатает. На левом запястье у неё татуировка, маленький прямоугольник с дырочками, кадр плёнки. Она не говорит, что он значит, и я не спрашиваю.

Мы возвращаем людям лица, которых больше никто не

помнит. Иногда это благодарная работа. Но чаще всего работа заканчивается пылью на перчатках.

Четвёртая бобина «Смотра» лежала в коробке с чужой наклейкой: «Хроника. 1939. Строительство канала». Даша нашла её случайно, перебирая фонд, и принесла мне на стол, потому что на крышке была надпись синим карандашом, а синим карандашом в тридцатые помечали то, что нельзя выбрасывать, но и нельзя показывать.

Я открыл жестянку. Запах ударил в нос, кислый, резкий. Плёнка была покрыта белым налётом, как будто её посыпали солью. Я надел перчатки и взял первый рулон.

На плёнке был город. Утро, очередь у булочной, трамвай, женщина выбивает ковёр из окна. Потом стадион, трибуны, знамёна. Потом толпа, которая идёт по полю, и в толпе человек, который поворачивает голову.

Я остановил кадр.

В комнате было тихо. Гудел проектор, но я его не слышал. Я смотрел на лицо, которое знал.

В списке участников массовки, машинописном, с пометками синим карандашом, есть строка: «Гурин Л. С., 1905 г. р., слесарь, доброволец».

Я прочитал строку несколько раз, пока буквы не перестали складываться в слова. Моего прадеда звали Лев Сергеевич Гурин. Он родился в девятьсот пятом, работал слесарем,

умер в шестьдесят первом, за шесть лет до моего рождения. Меня назвали в его честь. В семейном альбоме есть фотография: молодой мужчина в косоворотке, с узким лицом и высоким лбом, стоит у павильона, руки в карманах, смотрит чуть мимо объектива, как будто его окликнули. Я видел эту фотографию сотню раз. Она лежала в коробке из-под обуви, между свидетельством о рождении отца и открыткой с видом Ялты. Человек в кадре был похож на фотографию до неприятной точности. Не на родственника, а на того же человека, снятого в другой день.

Я откинулся на спинку стула. За спиной была стена. Я знал, что за спиной стена, потому что сам её красил в прошлом году, серой краской, которая называлась «туман». Всё равно я почувствовал, как между лопатками собирается тепло.

Дома я долго стоял в прихожей, не снимая пальто.

Квартира была маленькая, двухкомнатная, с кухней, которая выходила в колодец двора. Днём в колодце было темно, как в ванной с задёрнутой шторой. Вечером, когда на кухне горел свет, окно превращалось в зеркало, и в нём отражалась комната: стол, чашка, моя спина.

Я не люблю вечером смотреть в окно.

В прихожей горел свет. Я включаю его всегда, даже днём. Это привычка, которую я не объясняю гостям. Гости думают,

что я экономист. Гости думают много всякого.

Я снял пальто, повесил на крючок, поправил шарф. В зеркале на двери отразился мужчина с усталым лицом, с сединой у висков. Он смотрел на меня с тем выражением, которое я ненавижу: терпеливым. Как будто он знает, чем всё кончится, и ему меня жаль.

Я отвернулся первым.

Нина позвонила в половине девятого.

Мы развелись шесть лет назад. Она вышла замуж второй раз, за человека по имени Виктор, который работает в строительной фирме и умеет разговаривать с людьми. У них трёхкомнатная квартира в новом доме и собака, которую Ася не любит.

Нина сказала, что в школе родительское собрание в четверг, и что Ася просила, чтобы я не приходил.

— Почему? — спросил я.

— Потому что ты там смотришь на всех, как будто снимаешь.

Я не нашёлся, что ответить.

— Она не хочет, чтобы ты сидел в углу и молчал. Учительница спрашивает, папа будет, а она говорит, что папа работает. Ты работаешь, Лёва?

— Работаю.

— Хорошо. Я скажу, что ты работаешь.

Она помолчала. В трубке было слышно, как Виктор что-то спрашивает из комнаты и как Нина прикрывает микрофон ладонью. Потом она сказала тише:

— Она стала странная. Молчит, рисует по ночам. Я заходила, у неё свет горит, она сидит на полу и смотрит в окно. Я спросила, что ты делаешь. Она говорит: смотрю, как я выгляжу оттуда.

У меня пересохло во рту.

— Откуда?

— Оттуда. Сверху. Она так и говорит: оттуда. Ты понимаешь что-нибудь?

Я понимал. Я понимал слишком хорошо.

— Поговорю с ней, — сказал я.

— Поговори. Только не начинай свои штуки.

— Какие штуки?

— Ты знаешь.

Я знал.

Ночью я не спал. Лежал на правом боку, как всегда, лицом к стене, и слушал дом.

Дом был старый, пятиэтажный, с деревянными перекрытиями. По ночам он щёлкал, остывая. В трубах гудело. На пятом этаже у соседа работал телевизор, и сквозь стену было слышно, как диктор говорит про погоду, а потом про курс.

Я лежал и думал о прадеде. В девятьсот тридцать седьмом

ему было тридцать два. Он работал на заводе, ходил в кино и, судя по списку, попал в массовку. Почему он смотрел в объектив? Люди в массовке смотрят на режиссёра, на оператора, на знамя, на что угодно, только не в стекло. Смотреть в стекло значит понимать, что тебя снимают. А понимать, что тебя снимают, в тридцать седьмом году было опасно. Или он смотрел не в стекло.

Я повернулся на спину. Потолок был белый, с трещиной, похожей на стрижа. Я смотрел на трещину и чувствовал, как кто-то смотрит мне в затылок. Я не обернулся. Я давно научился не оборачиваться. Привычка давалась легче, чем объяснение.

Утром я пришёл в архив раньше всех.

Включил лампу, вставил бобину, нашёл кадр. Человек смотрел на меня с экрана, спокойно, без вызова. У него были тёмные глаза, глубоко посаженные, и морщина между бровями, которая у меня появилась лет в сорок.

Я увеличил кадр. Лицо распалось на зерно, на квадраты, на шум. Я уменьшил. Лицо собралось обратно. Я прокрутил плёнку вперёд. Человек снова повернул голову. Я прокрутил назад. Он снова отвернулся. Я мог делать это сколько угодно, и каждый раз он поворачивался ровно в тот момент, когда я ждал.

В комнату вошла Даша с двумя стаканами чая. Она поста-

вила один передо мной, посмотрела на экран и сказала:

— Это тот, из массовки?

— Тот.

— Похож на вас.

Я не ответил.

— Правда похож. Я сначала подумала, что это вы и есть. Только грим другой.

— Это мой прадед.

Даша села рядом. Она не сказала «надо же». Она смотрела на экран так же внимательно, как я, и это было лучше всяких слов.

— Он знал, что его снимают, — сказала Даша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.